

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МАЛЬЧИК ИЗ СЛОНИМА

«Жить в детстве надо всё же на земле».

Татьяна Корсакова

Ухватиста, будто магнит

Всеядная память ребячья,

И мелочи быта хранит,

До срока запасливо пряча.

Анатолий Вершинский

Мальчик из Слонима почти ничем не отличался от мальчика из Волковыска. Ну, разве, что знал и понимал уже побольше, чем раньше. А так он был все тот же самый - очень любопытный, лазучий и говорливый. Волковыское детство неразрывно и плавно перетекло в другое - Слонимское.

Слоним – мощнейший пласт моей детской жизни. Вместо Росси – Щара. Широкая река, по которой ходили корабли. «Корабли» - катера-буксирчики и баржи. Мосты. Слоним на старых картах отмечался якорьком – речной порт, более того – порт, из которого можно было добраться до двух морей – Черного и Балтийского.

Новое слово – «баржа». И еще одно новое понятие – ледоход. Да, по Щаре весной шел лед. Сначала он вспучивался, грохотал, а потом «крыги» шли одна за другой, наползая друг на друга... Волокывая была слишком узка для таких ледовых шествий...

В Слониме мы жили сначала в центре города, а потом переехали в военный городок – в небольшой деревянный коттеджик, с двумя разными крылечками для двух семей. В другой половине жила семья майора-танкиста Гусева. Вместе с ними был сделан наш лучший снимок (и наверное, единственный) – летом 1951 года: мама в белом платье и белой соломенной шляпке с охапкой черемухи, папа в гимнастерке и фуражке, а я – у их ног вместе с соседским мальчиком. Удивительный лучезарный снимок. Запечатлел все – и настроение, и время, и аромат черемухи... Жаль, что никто из родителей не владел фотокамерой. Слонимских снимков – по пальцам перечесть. А ведь такое счастливое, радостное время было – только снимай да снимай! Фотокамера появится только через семь лет: мне на день рождения подарят широкоплечный аппарат «Любитель», вот тогда и начнется фотолетопись...

Из маминого дневника

В Слониме Андрея назначили начальником полковой школы. В городе стояла тогда механизированная дивизия. Меня же определили врачом в спецдетдом и по совместительству на должность врача детских яслей. Так я стала педиатром, и проработала по этой специальности год – с января 1953 по январь 1954 г.

Слоним – старинный красивый городок. Было много зелени. Живописная Щара разделяла его на две половины. Радовал хороший рынок. А главное, Андрея стали чаще отпускать домой. По моему настоянию он закончил в Слониме вечернюю десятилетку. Офицер без десятилетки не офицер. Он это понял и сдал все экзамены, и вскоре стал майором. Устроили по этому поводу пир, назвали друзей.

Поначалу мы сняли квартиру в частном доме возле рынка, а потом нас поселили в

в двухквартирном деревянном коттедже в военном городке. Под нашим крылечком жила Чита - дворняга, похожая на белого штица (названная в честь обезьяны – героини популярного фильма «Тарзан»). Дети очень любили ее и прятали от собачников-живодеров, которые приезжали в военный городок по субботам на санях. Колю удалось устроить в детский сад, который размещался в бывшей панской усадьбе. Иногда я брала его с собой на работу, ката-ла в кабине грузовика. Подолгу стояли мы с ним на мосту через Щару. Река тогда была еще судоходной и мы смотрели, как плывут по ней баржи или льдины в ледоход. Щара - приток Немана. Так что баржи ходили от Слонима до самого Гродно. В старые времена здесь была большая торговая пристань, которая благодаря 53-километровому каналу, имела связи и с Балтикой и Черным морем.

Мы много раз ходили с мамой на Щару. Наверное, именно тогда я и увидел впервые рассекающий воду нос катера-буксира и долго не мог оторваться от завораживающего зрелища - плывущего по реке судна с рубкой, мачтой, трубой, флагом... А однажды мама попросила капитана такого катера прокатить нас немного по Щаре. Тот согласился, и вот уже мимо нас проплывают слонимские берега в зеленом убранстве дубрав, лип, ясеней... Русло Щары настолько извилистое, что иногда завязывалось в узлы, образуя в них острова... Буксирный катер, огибал их громко стуча автомобильным мотором.

На этом суденышке я впервые увидел что такое якорь. Якорек был маленький, катерный, но все же это был якорь с веретеном и лапами, символ водной стихии... То было самое первое плавание в моей будущей морской жизни. Потом была и Волга, и Дунай, и Шпрея, не говоря уже про моря и океаны. Но сначала открылась мне Щара...

ПАПИНЫ ПОГОНЫ. Где-то в 1950 году папа «обмывал» свою майорскую звезду. Это было могучее общесемейное торжество почти равнозначное новогоднему празднику. Разумеется, я тогда и знать не знал, что большая «майорская» звезда означает переход офицера в новое качество – из младших офицеров он переходит в старшие. Это я потом сам на себе прочувствовал, когда был произведен в «майоры», то бишь «капитаны 3 ранга». А тогда был очень богато обильно и красивый стол. Мама со своей помощницей постаралась. Вовсю играл патефон, менялись пластинки, звучали тосты, звенели рюмки. Жизнь уже налаживалась, поэтому было чем отметить событие. Но нас с сестрой по причине малолетства быстро отделили от всеобщего торжества, и скорее всего сплавили на соседскую половину. На другой день увидел папу в новых погонах: посреди двух просветов лучилась большая – майорская - звезда. Парадные папины погоны поражали своим радостным красно-золотым блеском, древним сочетанием самых праздничных красок на свете – золотой и красной. Они просто заворажи-вали.

У мамы тоже были украшения – золотой браслетик, подаренный бабушкой, серебряная брошь-игла должно быть с бриллиантами (блестящими камушками), она сохранилась на тех фотографиях... Что-то еще... Еще духи «Красная Москва» во флакончике в виде кремлевской башни, черная палехская шкатулочка с побрякушками, прозрачно фиолетовый флакон «Вечерней Москвы», воротник из чернобурки с настоящей лисьей головой (трогать голову кате-горически запрещалось)... Серая коробка для ниток, на крышке которой были изображены лыжники, которых тащили кони...

Но зато у папы была шашка! Настоящая. С нею он заступал на дежурства по полку и ходил на парады. Тогда еще, сразу после войны, офицерам разрешалось носить холодное оружие и

хранить его дома, разумеется, подальше от таких пронырливых детей, каким был я. Но несмотря на все мои усилия, пашку мне разрешалось трогать только из отцовских рук. Но даже при таком условии, она восхищала своим боевым блеском, своей хищной формой, ножнами из настоящей кожи... Моя детская деревянная сабля, черно-золотая в цвет коня, ни в какое сравнение с ней не шла....

СЛОНЫ И ТАНКИ. Танки в своей жизни я увидел раньше, чем слонов. И хотя городок наш назывался Слоним – как мне казалась в детстве – название это пошло от слова «слон», наверное, когда-то тут водились слоны, - единственным слоном здесь был жестяной заводной слоник, который громко жужжа, медленно переставлял ноги. А потом я увидел стального слона. К воротам нашего городка подкатил танк Т-34. Он был красив, грозен и велик, он мелко дрожал от избытка мощности и работающего двигателя. И танкисты на зависть всем моим дворовым друзьям-приятелям, подхватили меня 5-летнего мальчика, и осторожно опустили через башенный люк внутрь этой невероятной машины. Они это сделали потому, что мой отец служил в этом же полку, носил на погонах и петлицах золотистые танки, и был начальником полковой школы, где готовили сержантов для танковых экипажей.

Внутри танка было шумно и мрачно, свет бил только из смотровых щелей, стоял густой запах горячего машинного масла, солянки, чего-то еще... Меня посадили на какой-то железный ящик, и машина рванулась вперед. Я не видел, что происходит вокруг, но чувствовал, что мы не просто едем, а плавно катим как бы по очень ровной дороге, хотя дорога (я знал это хорошо) была булыжной и с колдобинами. Но танк не замечал этих мелочей, он уверенно катил вперед, и не было силы, которая могла бы остановить ход этой грозной машины.

Разумеется, после той потрясающей поездки, я решил непременно стать танкистом. Но это все в будущем. А тогда я не умел смотреть в прошлое, да и какое прошлое могло быть у пятилетнего мальчика? Лишь много лет спустя, я узнал эту историю, которая произошла в Слониме за пять лет до моего рождения...

27 июня 1941 года... Слоним уже захвачен немцами, как вдруг в город прорываются три советских танка – две «тридцатьчетверки» и один тяжелый танк КВ.

Дальше слово историку Дмитрию Егорову: «В городе они подбили немецкий танк, обстреляли штаб войсковой части и фельджандармерию, подавили гусеницами автотранспорт. Немецкие артиллеристы-зенитчики расстреляли одну тридцатьчетверку при выезде на Ружанское шоссе. КВ устремился на деревянный мост через Щару, но машину потянуло в сторону (видимо, что-то вышло из строя), она потеряла управление и съехала в реку левее моста. Все танкисты были из разных рот 13-го танкового полка. Механик-водитель КВ Н. Я. Кульбицкий вспоминал: «Чтобы легче было пробиваться дальше, мы решили разделить на 2 звена: одно двигается в сторону Гродно, а наше, состоящее из двух танков, - к Слониму. Со мной на КВ были старшина Карабанов, командир танка старший сержант Овсеенко, стрелок-радист Петрухин.

„Тридцатьчетверка“ проскочила мост, а вот с КВ перед мостом что-то случилось: машину повело в сторону и тут же вернуло назад. Двигатель заглох, а танк сорвался с крутой забетонированной насыпи и скатился в воду. Щара в том месте неглубокая, да еще обмелела тогда, поскольку долго не было дождей. Петрухин, Карабанов, Овсеенко и я выскочили из танка и скрылись на другом берегу в зарослях кустарника и деревьев. Мне тогда удалось спрятаться там до вечера, а затем лесами пробраться до родного Копыля (позднее Кульбицкий воевал в партизанском отряде). Из экипажа Т-34 помню только механика-водителя Демьянова. Это он 27 июня прикрывал в Слониме наш отход, когда танк провалился под мост.

Немцы бросились к увязшему в реке гиганту, но были отсечены огнем третьей машины, шедшей позади. Затем Т-34 развернулся и вновь направился в центр Слонима. Здесь немцам удалось остановить его, повредив гусеницу. Когда был израсходован весь боекомплект, они

предложили героям сдать, но те запели «Интернационал». Фото тридцатьчетверки с порванной гусеницей, горящей на слонимской улице, обнаружилось на распродажах немецких семейных архивов. На нем хорошо видно, что стена здания позади машины густо исклевана пулями, а люки закрыты, и экипаж остался внутри». Второй Т-34 — немецкие артиллеристы подожгли на въезде в Ружанское шоссе».

Сохранились и фотографии. Рассматриваю и так, и в лупу. Да, по этим самым улицам проезжал и танк моего детства. Быть может, и «моя» тридцатьчетверка прокатила по той самой улице, мимо того дома, где погибли в 41-м танкисты.

Любопытно, что деревянные балки моста при реконструкции переправы, были проданы в частные руки и из них построили дом, который стоит с домом моих родственников. В истории так же, как и в природе, ничего не исчезает бесследно. Закон сохранения универсален... Насчет слонов и Слонима. Никогда они, конечно, здесь не водились, разве что мамонты в седой древности. Слона я впервые увидел в гродненском зоопарке, и он не показался слишком уж большим. Танк больше. Да и пушка смотрелась более эффектно, чем опущенный хобот. Слоним с довоенных времен был и остается поныне городом танков. Тут даже «танковый брод» через Щару есть. И, конечно же, совсем не случайно на главной его площади возвышается постамент с танком. Правда, танк посреди старого Слонима – смотрится несколько странно, инородно посреди белых двухэтажных обывательских домиков с черепичными крышами. Кажется, за этими маленькими кругловерхими оконцами, под черепичными кровлями течет своя, очень уютная, милая с жизнью с несерьезными гномскими проблемами... Но «тридцатьчетверка» с гвардейским знаком сурово напоминает: это памятник всем танкистам, которые обороняли город, освобождали его, стояли и стоят в нем броневым гарнизоном.

СТАЛИН. Из политических деятелей я тогда крепко знал четыре имени: Мамай, Гитлер, Ленин, Сталин. Мамаем пугала нянька Таня: «Вот придет Мамай, заберет тебя!» Это когда я себя плохо вел. «Как Мамай прошел!» - это про беспорядок в детской комнате. Но Мамай не вызывал особого страха, у него было имя, образованное от любимого слова «мама». И он был очень давно. Другое дело Гитлер – одно звучание этого имени вызвала омерзение – бр-р-р... Папа воевал с Гитлером, и Гитлер едва не убил его, едва не оторвал ему руку – тяжело ранил. Тут никаких сомнений не было – Гитлер это враг! Гит, гад, хо-лера... Гадская холера! Ленин – это, понятное дело, сияющее имя земного Бога, он все знал и знал наперед, все ему удавалось, все ему было подвластно, его портреты, как иконы висели всюду, и ничто и нигде не делалось без упоминания его имени. И имя было мягкое, образованное то ли от «льна», то ли от «лени», то ли от великой сибирской реки.

Сталин – это сталь. Сталь – это прочность, сила, оружие. Сталина, его портреты я видел лишь в мундире при маршальских погонах, я хорошо знал в лицо (по картинкам). Мне нравилось, что он носил усы и погоны и был полководцем, который победил Гитлера. И у папы на одной из медалей был выбит профиль Сталина. Сталин – это живой Ленин, и все делалось по слову Сталина. И вдруг он умер! Умер, как Ленин. Умер, как наш сосед по дому... Как обычный смертный человек. Это не укладывалось в детской голове (да и в головах некоторых взрослых – тоже): как может умереть бессмертный? По радио зачитывали заключения врачей. Оказывается у Сталина тоже были легкие, сердце, печень, оказывается он давно и тяжело болел... В тот мартовский день, мама, как всегда уходила на работу. Я оставался старшим по квартире, то есть имел право повелевать сестрой в интересах домашнего порядка и нашей общей безопасности.

«Ровно в двенадцать выключишь радио, свет, уберешь игрушки. Загудят паровозы, фабрика – не пугайтесь. Это в знак прощания со Сталиным». «А что, теперь будет война?» - Спросил я. «Никто не знает, что теперь будет» - честно ответила мама. И я заревел.

Плакал не оттого, что было жалко Сталина, а оттого, что теперь снова будет война, а это

очень страшно. И может быть убьют папу. Конечно, я не знал, что такое «война», но ужас войны, наверное, передался с генами от обоих родителей, оба они хлебнули военного лиха полной мерой. Война – это, когда всех убивают, даже детей. Мама успокоила меня и ушла на работу. Ровно в полдень глухо и хрипло заревели трубы всех слонимских фабрик, мастерских и паровозов на станции. Этот общий тоскливый вой и по сию пору стоит у меня в ушах. Я закрыл форточку и велел сестре прекратить игру. Мы стояли у окна по стойке смирно и молча слушали хор гудков; особенно хорошо выделялись в нем свистки и трехгласые басы паровозов. Потом все стихло, и жизнь продолжилась. Войны не было.

Мой флотский друг поэт Евгений Гулидов прекрасно передал это ощущение в стихах:

Страхи детства, что же вам неймется?

Ночь вокруг, а вот сыскался след:

Вдруг проснись - а Сталин не проснется?

Вдруг проснись – а мамы больше нет?...

Мама, к великому счастью, была всегда. Целых 99 лет!

ДЯДЯ ВИТЯ. В Слониме в моей жизни и жизни маленькой сестры появился новый родственник – дядя Витя, Виктор Андреевич Черкашин, старший брат папы. Мы даже не подозревали о его существовании. О нем нам никто никогда не рассказывал... Потому что дядя Витя – сидел в тюрьме.

Из маминого дневника:

Андрея в 1952 году перевели служить в Германию, в наши оккупационные войска, а я осталась одна с двумя малыши детьми и тремя своими работами. А тут еще, как снег на голову – нежданно-негаданно приехал старший брат мужа – Виктор Черкашин. Он вернулся из воркутинских лагерей «холодным летом» 1953 года - по амнистии в связи со смертью Сталина. Сидел он там 16 лет. А дали ему сначала 10, потом добавили за попытку побега. В письмах из зоны просил «вышлите жиров и табака». Я высылала ему сало и махорку, шерстяные носки и рукавицы. Времена были трудные, особых подарков не наберешь.

И вдруг в одно замечательное летнее утро в дверь постучал неизвестный человек. «Я Виктор, - сказал он. – Брат Андрея. Вот приехал. Если примите...»

«А где вещи?» «Там они», махнул он рукой за калитку. Все вещи были уложены в старый солдатский мешок. Ехать Виктору Черкашину было некуда: в Улан-Удэ, где он жил до лагеря, родители умерли, дом отошел неизвестно кому. Из всей родни у него остались лишь младшая сестра, которая жила в Ростове-на-Дону – Валя. Валя вышла замуж за лейтенанта НКГБ, и Виктор прекрасно понимал, что его визит никого там не обрадует. Вот и приехал в Слоним к младшему брату. Но при этом никого не предупредил, ни письма, ни открытки не прислал.

У нас было две комнаты, в одной поселили дядю Витю, а в другой спали мы с мамой. Дядя Витя оказался презамечательным человеком, прирожденным нянем, затейником, воспитателем, фокусником и актером! В душе вчерашнего зэка, не ожесточившейся после 13 лет лагерной жизни, жил талантливый педагог. Для начала он устроил нам «живой уголок». В стеклянную банку с травой был помещен лягушонок. Мы не знали, что существуют аквариумы и всякие террариумы. Жизнь лягушонка у всех на виду занимала нас, как хороший мультик. Мы кормили его всякими мошками и червячками, подливали воду в банку, любовались своим питомцем. Сегодня бы сказали, что это был первый шаг к экологическому воспитанию детей.

Это был первый шаг к постижению простых чудес родной природы.

Дядя Витя водил нас на Щару и там открывал нам глаза на стрекоз, жуков-водомеров, пиявок, снующих в прозрачной глубине пескарей и даже раков... А еще он соорудил на ручейке плотину и водяное колесо, которое – о, чудо! – вращалось набегающим потоком. Он нашел общий язык с нашей собачонкой Читой, и та охотно поддавалась дрессировке: садилась по команде, ложилась, вставала на задние лапы и «служила», вымаливая передними лапками лакомство. Это был наш первый цирк. И первый аттракцион – мы залезали с сестрой в мешок, а дядя Витя скидывал груз на спину и носил нас по комнате – мешок, полный восторженных воплей. Наступало время обеда. Дядя Витя устраивал из чемоданов «ресторанный» столик, накрывал его, и становился на время официантом с полотенцем через руку: «чего изволите?» Надо ли говорить, что за таким обедом не было никаких детских капризов «я это не хочу», «это я не ем...» Ели все, что подавал «официант», щедрый на прибаутки и всякие розыгрыши. Учил нас ходить, как ходят эки: по кругу, руки за спиной... Право, ни у кого из слонимских детей не было такого замечательного друга-наставника! Но самое главное: от дяди Вити я впервые услышал имя Жюль Верна. Он прочитал его романы в своей неволе, и теперь пересказывал их нам с сестрой. С замиранием сердца слушали мы про то, как смелые люди забрались в большой снаряд, огромная пушка бабахнула и они полетели на Луну. А про подводную лодку «Наутилус» и капитана Немо? Может быть, именно тогда и был заронен интерес к морю, к подводному миру?

Дядя Витя... Он продолжил в Слониме «воспитательный процесс», начатый дядей Федей в Волковыске, и стал таким же близким и родным человеком.

Но настала пора расставания. Папа прислал нам вызов в Германию, в городок, где он служил, и мы потихоньку стали собираться в дальнюю дорогу.

Из маминого дневника.

Андрей больше года прослужил в Группе оккупационных войск в Германии и, наконец, сумел выхлопотать приглашение своей семье в Берлин, точнее в Потсдам, где стояла его часть. Я очень обрадовалась! Радовала возможность объединить семью, да и Германию хотелось посмотреть. Ту самую, которая пошла на нас войной в сорок первом... Я никогда еще не была за границей. А тут еще и переезд через всю Польшу. Надо было собирать детей и вещи. Но как оставить Виктора в военном городке да еще без прописки? Я быстро подыскала ему невесту. У меня в больнице регулярно проходили медосмотр торговые работники. Вот одну из них – продащицу местного продмага Лиду, я и присмотрела своему деверю. Они понравились друг другу. Вскоре сыграли свадьбу, и Виктор навсегда связал свою жизнь с древним Слонимом. У Лиды был свой дом. Точнее так: они жили в бывшем еврейском деревянном доме (хозяин погиб в гетто). Дом власти поделили на четыре семьи. В одной четвертинке жила Лидия Акимовна. Юрий, младший сын, выкупил потом все остальные части дома. Я со спокойной душой уехала к Андрею в Германию. Андрей был очень недоволен, что задержалась с отъездом почти на полгода. Но все же был благодарен за то, что я устроила судьбу старшего брата.

Слоним для дяди Вити стал навсегда родным (после Иркутска и Улан-Удэ) городом. Здесь родились оба его сына – Сергей и Юрий, здесь он освоил профессию сварщика – и сварщиком был отменным – ездил в командировки на крупные стройки страны, и даже участвовал в сооружении Останкинской телебашни в Москве. Здесь, в Слониме, обрел он и свой последний приют на Ружанском кладбище. Скончался он в 1970 году. А до этого времени, работая в

Москве, навещивался иногда в гости. Как драгоценную реликвию храню подарок дяди Вити, который он сделал мне в десятом классе – готовальню, набор чертежных инструментов в красивом футляре. Такой роскошной готовальни не было ни у кого в классе. Блестящие циркули, рейсфедеры, измерители покоились в красном бархате. Игра красок напоминала расцветку волковысских пожарных машин и потому особенно радовала глаз. Готовальня очень пригодилась, ведь наш класс московской 308-й политехнической школы обучал нас как чертежников-конструкторов тяжелого машиностроения. Спасибо, дядя Витя!

Был и еще один дядька в моей тогдашней жизни – дядя Вася, муж младшей маминой сестры. Как и отец, он был фронтовик, офицер-танкист закончил Великую Отечественную в Германии, а теперь служил в Пуховичах, в тамошнем танковом полку. Именно его бабушка определила мне в крестные отцы. Крестная мать жила в Волковыске, а крестный отец служил в Пуховичах.

УДОЧКА. Удилище – длинное и гибкое – дядя Витя срезал на берегу Щары. Там же состоялась и моя первая рыбалка. Устройство удочки – крючок, грузило, поплавок – все самодельное – поплавок из винной пробки, проткнутой спичкой... Нет, я безгрешен перед родной рекой – не вытянул из нее ни одну плотвичку, ни одного окунька. Но хорошо усвоил первые рыбацкие уроки, данные дядей Витей.

ДЕТСКИЙ САД. Слоним... Детский сад, первый и единственный в моей жизни. Он находился в старинном особнячке с мансардой под черепичной крышей и большой полукруглой верандой.

Детский сад – первое отлучение от родного дома. Это как призыв в армию. Все новое, незнакомое, чужое и отчасти враждебное.

Наш детсадовский особнячок покрывала печальная аура, о которой мы ничего не знали, но, тем не менее, некоторое настроение, она создавала. Дело в том, что после войны в особнячке поселилась семья начальника Волковысского гарнизона генерала Малеева¹. Говорили, его сын, играя с отцовским пистолетом, нечаянно застрелился (или подорвался на гранате). Генерал, герой войны, не смог жить в этих стенах, и переехал в другое место, а особняк отдали под детский сад. Потом, когда в нем сменилось не одно поколение слонимских детей, в нем разместили дом престарелых, как будто передан был по наследству от малых – старым. Сегодня в нем размещается какая-то городская служба. Главное, что приметный дом сохранился и содержится в полном порядке...

Детский сад памятен для меня тем, что я впервые в жизни понял, что девочки это не просто крикливые настырные существа, с которыми лучше осторожно дружить, чем активно недружить. Дружить надо очень осмотрительно, чтобы никто не обозвал тебя «девчатником», «бабником» или еще хуже – «женихом»; они еще, эти девочки (некоторые из них) могут еще и нравиться! У них могут быть такие красивые голубые глаза, от которых своих глаз не отвести... Звали ее Оксана. У нее был самый пышный бант в волосах... Не могу понять, как про мою сердечную тайну узнали дома? Но ведь как-то узнали и неосторожно задели первое чувство. От дикого смущения и негодования я забрался под тахту и оттуда швырялся тапками и кубиками – в маму, в дядю Витю, в Ларису...

¹Генерал-майор Малеев Михаил Федорович (1899-1964), зам. командира 5-го Донского корпуса, после войны командир этого корпуса. Затем командовал механизированными дивизиями... Боевой генерал, прошедший всю войну от начала до конца. 3-я кавалерийская дивизия под его командованием, в первые дни войны нанесла противнику шоковый удар, но только одна дивизия не могла в июне 1941 переломить ход событий. И дальше генерал Малеев действовал умело и решительно, но вот карьеры в РККА он не сделал, почему — правды мы уже не узнаем никогда. В Слониме он командовал 8-й механизированной дивизией.

Кем она была, какого рода-племени эта Оксана, я не знал и никогда не узнал. В памяти осталась тихая красивая девочка с голубыми глазами и пышным белым бантом. Слонимская Мальвина!

Рукоделие! Вот тут я превращался в дядю Федю, и что-то рьяно мастерил.

В Слониме у меня была своя ватага, и она затмевала всех девчонок. Мы лазали по руинам, оставшимся после войны, собирали, несмотря на все запреты, патроны, добывали из них порох. И проделывали все это в каком-то подвале, прозванным «Кузней». Там был наш штаб. Там мы познавали основы жизни, и я узнал, что дети появляются не сами по себе, а детей – д е л а ю т! О, Слоним!

Слониму повезло, в отличие от Волковыска он стоял на берегу судоходной Щары, которая в лучшие времена позволяла торговым судам ходить в Неман, а там еще дальше – в Гродно, в Вильно... Этот мощный торговый путь приносил слонимским купцам неплохой барыш. Да еще местный магнат Огинский вкладывал в город, в его культуру и процветание немалые средства.

Из маминого дневника.

Слоним мы застали, таким, каким он был сотни лет - старинный польский городок, еврейское местечко. Город был известен своей механической мастерской А.Рудзинского (надмогильные кресты, решетки и молотилки). Жили в нем в основном ремесленники - портные, сапожники, слесари, пекари, винокуры колбасники... Ну, еще и железнодорожники, через город проходила железная дорога Барановичи-Белосток. Населения было едва ли не больше 20 тысяч человек.

Название от «услоним» - идет от корня «заслон», заслонять. Известен этот «заслон» с конца 9 века как опорный пункт русских князей. В Ипатьевской летописи город упоминается с 1252 года. На территории «замчица», или «замка», - древнейшей части города - археологами обнаружены следы укрепленного городища, древнего замка и остатки деревянного и более позднего дворца. Построенный в 1520 г. князем Сапегой деревянный дворец с укреплениями вокруг использовался в 1631 - 1685 гг. для заседания сеймиков Великого княжества Литовского. Обветшавший дворец в 1768 г. по указанию нового владельца Слонима композитора М. Огинского был разобран. На его месте в 70-х годах 18 в. создается обширный архитектурный ансамбль.

Здание театра («опернхауз»), построенное в конце 70 -х гг. 18 в., располагалось между дворцом и спрямленным рукавом реки Щары. Старые литературные источники свидетельствуют, что театр имел сцену, приспособленную для выхода большого количества артистов и театральных баталлий конников. Канал использовался для водных феерий, и в этом случае парк служил естественным многоплановым декором спектакля. Слава о придворном театре Огинского шагнула далеко за пределы Белоруссии. В конце 18 в. артисты Слонимского и Гродненского театров, подаренные королю Станиславу Августу, стали частью польского балета в Варшаве. В Слониме работали профессиональные итальянские и польские певцы, драматические актеры, крепостной хор и балет. Репертуар театра в основном складывался из балета, опер итальянских композиторов и авторских произведений Огинского. Музыкальное сопровождение спектаклей вела специальная капелла из крепостных музыкантов. Не зря его называли «Белорусские Афины».

Город был богат памятниками: тут и Слонимский замок, и средневековые костелы, и бернардинские, бенедиктинские, доминиканские монастыри, и ратуша, и театр, и синагога, и особняки, и просто затейливые каменные дома мещан. У Слонима - магдебургское право. Слонимским старостой был Михаил Казимир Огинский, великий гетман литовский - постро-

ил дворец, канал... Ответ былой культурной жизни лежал на изрядно потрепанном войной городе. Чудом сохранился слонимский вокзал в стиле модерн, построенный в 1922 году.

ОГИНСКИЙ. Много позже, в десятые годы нового года, я получил предложение от директора слонимского театра написать пьесу, которая была бы, как визитная карточка города, пьесу о тех временах, когда Слоним был «белорусскими Афинами», короче о замечательном деятеле Михаиле Казимире Огинском, родном дяде автора всемирно известного «Полонеза». И я взялся за дело. Личность этого человека вдохновляла. Помимо всяких высоких государственных рангов в Великом Княжестве Литовском, он и сам был композитором, блестящим театральным деятелем. Он основал в Слониме оперный театр по образу и подобию знаменитой миланской оперы Ла Скала. Концертный зал, построенный им, не уступал по роскоши, акустике и комфорту Мангеймскому. Слонимский оркестр был самым большим в Европе того времени. Более того, только в Слониме существовал так называемый «Плавающий театр», который перемещался по Щаре и каналу на лодках, весьма похожих на венецианские гондолы. И, кстати говоря, сам канал был сооружен по его инициативе и на его деньги. Огинского грела мысль, что отныне можно добираться из Слонима в Венецию водным путем: по каналу, затем Днепру до Черного моря, а там - через Босфор и Дарданеллы в Средиземное. Не знаю, совершил ли кто-нибудь плавание по такому маршруту Слоним-Венеция, но сам факт возможности такого путешествия говорит о многом. Между прочим, «мальчику из Слонима» посчастливилось трижды побывать в Венеции, но только воздушным путем. А в Слониме и по сию пору существует кафе с панорамными видами Гранд-канала...

Пьесу об Огинском я начал, но не дописал. Очень сложно представить на сцене все перипетии конца Восемнадцатого века, прихотливые извороты европейской политики, а без этого не понять, что двигало по жизни обоих Огинских – блистательного дядю и романтичнейшего племянника.

ВЕЛОСИПЕД. Здесь в Слониме исполнилась моя голубая мечта, зародившаяся в московской Марьиной Роще, где жили дедушка с бабушкой.

Дело было так. Я сильно простудился, и мама предписала мне постельный режим. Дядя Витя строго следил, чтобы я не вставал и не расхаживал. Лежал. Скучал. Вдруг дядя Витя вкатывает в комнату - глазам не поверил! – новенький двухколесный велосипед! «Папа тебе прислал, из Германии». «Это что - мой?» Поверить в такое счастье было трудно. Но папа и в самом деле прислал мне детский велосипед, который привез офицер-сослуживец, приехавший в отпуск. От восторга я тут же выздоровел, воспрянул и стал изучать своего прекрасного коня. Дядя Витя открыл коробочку с ремкомплектom и рассказал для чего предназначен каждый инструмент, показал, как нужно заклеивать пробитую камеру. О, дядя Витя, наставник жизни!

В Волковыске остался детский, и теперь совершенно ненужный трехколесный велосипедик, с красным рулем и рамой. Ездить на двух колесах я научился у бабушки в Марьиной Роще, ездил на чужих «великах» - крутил педали из-под рамы. Теперь у меня была своя машина – можно сказать «иномарка»! (хотя таких слов мы тогда не слышали) – с рамой, фарой, звонком. На фаре был переключатель ближнего и дальнего света. Маленький генератор, похожий на бутылочку, вырабатывал ток от трения головкой по шине.

Наутро у меня уже не было никакой температуры! Велосипед исцелил меня! После завтрака я тут же вскочил в седло и выехал на нашу гравийную дорогу, пересекавшую военный городок. Педали крутились легко, велосипед замечательно слушался руля, седло из настоящей кожи мягко пружинило. Звонком на руле трезвонил громко и радостно. И вдруг я увидел едущий навстречу грузовик. Дорога была неширокая, но мне показалось, что мы не разъедемся, я поехал как можно ближе к краю и сверзился в кювет. Упал левой рукой на осколок

бутылки. Из ладони был вырван клочок кожи. Хорошо дома была мама. Она сурово сказала «Не реви, сам виноват» и вколола мне противостолбнячный укол, а потом всадила в края пореза две металлические скобки, чтобы ранка не расходилась. Было больно, я терпел... Мама туго забинтовала руку и я стал ждать, когда снова можно будет сесть в седло... Дядя Витя, на чьих глазах была проделана операция, очень меня жалел, и в награду за терпение и мужество соорудил мне воздушный пропеллер. Ветрячок мы установили на заборе, его деревянные лопасти бешено вращались и гудели. Раненая рука была забыта...

Мой железный конь скучал без меня целую неделю, пока я снова не сел в седло, еще не сняв повязки. О, велосипед, прекрасная колесница моего детства, отрочества, юности, зрелых лет и всей жизни!.. Ездил я на нем, увы, недолго. Через несколько месяцев, когда мы стали собираться в Германию, его пришлось продать, как и все громоздкие вещи. Второй велосипед – «Орленок» был приобретен в Сморгони, и благополучно переехал вместе со всеми вещами в Барановичи... Сейчас у меня весьма современный «самокат» - горный велосипед «Avtor» с 16-ю скоростями. Но разве забудешь своего первого двухколесного друга? И вот что знаменательно. Слоним оставил о себе память на мое теле в виде «С» -образного шрама на ладони левой руки. Волковыск – подковообразный шрам под глазом. Сморгонь – рубец от топора на правой стопе под большим пальцем. В Барановичах – удалили гланды. Так что белорусская земля щедро полита моей детской кровью. Что же говорить об отце, который под Витебском едва не лишился руки, заполучив в атаке разрывную пулю в левое предплечье?

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ. Здесь, в Слониме, у меня пятилетнего мальчика, вдруг проявилась тяга к постижению иностранных языков. Мама в школе и институте учила немецкий, и я все время спрашивал ее – «А как по-немецки будет – вода, небо, хлеб, нож, река?» И мама отвечала: вассер, химмель, брот, мессер, флюсс...» Что попадалось на глаза, о том и спрашивал, и все этим мамины ответы, навсегда остались в памяти. Теперь у меня немалый запас немецких слов, хотя всю жизнь пришлось учить английский.

В 50-е годы в Слониме было немало людей, которые говорили по-польски, и я не упускал случая узнать, как те же немецкие слова, которые я уже знаю, звучат по-польски. Оказалось, что многие из них похожи на русские, но были и такие слова, которые надо было запоминать особо: «магазин» (склеп), «кладбище» (цментаж), «больница» (шпиталь), «вокзал» (двожец). Что отложил в эту детскую «копилку», то навсегда и осталось. А вот белорусскую мову, я старательно учил чуть позже – во втором и третьем классах сморгонской школы. Иногда бывало так – по-русскому языку – «четверка», а по «мове» - пятерка.

Еще я донимал маму вопросами вроде – «если машина разбивается, то это авария, а если поезд?»

«Если поезд с рельсов сходит – то это «крушение».

«А если корабль тонет?» - «Кораблекрушение».

«А самолет?» «Авария». «Нет, авария – это когда автомобиль разбивается, а когда самолет разбивается?» «Катастрофа». И так далее, словца без конца. Как у нее хватало терпения отвечать на все мои вопросы?

«ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО». Прошли годы и в Слониме возшло и распустилась новая ветвь черкашинского рода. К сожалению, дядя Витя так и не дождался внуков, он скончался в 1970 году, но в Слониме живут теперь и его внуки и даже правнук – Егор.

Однажды в апреле я приехал в Слоним, когда еще была жива дяди Витина, теперь вдова Лидия Якимовна (ур. Мелешко). Вместе с ней жил и ее младший сын Юра Черкашин с женой Ритой и двумя дочерьми – Катей и Аней. Юра – профессиональный автомобилист, к тому же заядлый гребец, ходил по Щаре на каноэ в дальние походы. В один прекрасный день мы

отправились на его машине в экспедицию: решили съездить в Польшу, в бывшую Восточную Пруссию, отошедшую к Польше, и там поискать полевую ставку Гитлера «Вольфшанце». Доехали до Гданьска, бывшего Данцига, переночевали там, а потом отправились на поиски «волчьего логова». Ехали ночью. В Польше тогда был энергетический кризис: темные дороги, в деревнях ни огонька; мы сбились с пути, ехали наобум. Поздней ночью решили остановиться и заночевать в машине. Юра приткнул свой «москвич» на обочине лесной дороги. Я вышел размять ноги. Раздвинув кусты можжевельника, вышел к полотну ржавой рельсовой однопутки и тут же в ярком свете полной луны увидел огромные серые глыбы полуразваленного бункера. Позвал Юру. Мы перешли железную дорогу и вступили на тропу, которая, обогнув руины, привела нас к еще одному мегалитическому сооружению: оно уходило к небу усеченной пирамидой, за ней в темени старого сосняка открылась другая. В одной из наклонных стен чернел квадратный провал входа.

Да, это было «Волчье логово», - мертвый город мертвых властителей полумира. В сумраке ночного леса он выглядел особенно зловеще.

Отсюда, из этого леса, из-под глыб бетонных пирамид, шло управление ходом самой страшной в истории человечества войны, здесь принимались решения о судьбах целых народов, о строительстве новых «лагерей смерти», о создании сверхмощного оружия массового поражения. Сколько конфиденциальных разговоров и телефонных звонков, криков и шепотов вобрала в себя толща этих стен! Бетонный посмертный слепок, снятый с лица гитлеризма. Мы углублялись в бетонную мистерию XX века. Наклонные безамбразурные стены с чудовищной толщины многометровым боевым перекрытием говорили о том, что обитатели «Вольфшанце» больше всего боялись ударов с воздуха. Ни один из бункеров не был приспособлен к наземной обороне. Проектировщики и мысли не допускали, что сюда могут приблизиться войска противника. Они боялись только неба, и потому персональные бункеры Гитлера, Бормана, Гимmlера, Геббельса, Геринга перемежались специальными бункерами ПВО, откуда скорострельные зенитные орудия и пулеметы могли прикрывать ставку огненным зонтом.

Никто из фашистского генералитета не любил «Волчьего логова», и все предпочитали пореже бывать там. Приезжали только по вызову фюрера. Лишь сам Гитлер, опасаясь за свою жизнь, почти безвыездно отсиживался там. Он говорил: «Это одно из немногих мест в Европе, где я могу свободно и безопасно работать». По иронии судьбы именно здесь было совершенно самое опасное для фюрера покушение на его жизнь, когда 20 июля 1944 в штабном бараке прогремел взрыв, устроенный полковником Штауфенбергом и его соратниками.

«Вольфшанце» - это около 80 различных строений, расположившихся на сравнительно небольшой лесистой территории. Среди них семь тяжелых бункеров, несколько средних и десятки легких, именованных «бараками». Городок имел собственную электростанцию, водопровод и систему канализации. Вдоль «логова» проходила однопутная железнодорожная станция Герлиц.

«Бараки» представляли собой одноэтажные здания из бетона с плоской крышей и окнами, закрывающимися стальными ставнями. Тяжелые строения служили в основном для защиты от воздушных налетов. Их размеры колоссальны: длина и ширина 30-50 метров, высота до двадцати. Толщина стен составляет 4-6 метров, потолки 6-8, а в бункере Гитлера она достигла 10-12 метров. Внутри помещения отделаны деревом, а потолки укреплены защитными броневыми листами. Внутри основного - внешнего - массива находился внутренний бетонный корпус, как бы бункер в бункере, разделенные воздушной прослойкой, которая должна была смягчать прямые удары фугасов.

Крыши тяжелых бункеров снабжены пологими кромками, чтобы заставить «отскакивать» от них авиационные бомбы. Непосредственно перед бункерами высаживали огромные деревья, а на крышах высевали траву, что должно было служить естественной маскировкой. На зиму

бункера покрывали водорослями, они хорошо держали снег на бетоне. В целом «Вольфшанце» - это шедевр военно-маскировочного искусства. Над дорогами, ведущими в этот лес, были устроены галереи, накрытые сетями с искусственной листвой.

Впрочем, по замыслу специалистов постройки смогли бы выдержать любые бомбежки, во время которых даже не требовалось бы выходить из обширных залов.

Самым крупным сооружением был бункер Гитлера, имевший в проекции П-образную форму. С правой стороны к нему примыкало одноэтажное бетонное здание кухни, слева - псарня.

В отличие от других объектов его фундамент уходил на глубину 6 метров. С фасада бункера есть две входные двери, ведущие в длинный поперечный коридор, от которого ходы ведут в два конференц-зала площадью в 150 и 200 квадратных метров. В бетонном теле усеченной пирамиды укромно размещались служебные и жилые помещения.

После неудавшегося покушения Гитлер перебрался сюда из легкого бункера, приказав в одном из залов оборудовать спальню. Немногие очевидцы вспоминают, что это было темное, мрачное помещение с голыми стенами, стальным потолком, без естественного освещения. Здесь стояли кровать, письменный стол да несколько стульев.

...Теперь руины бункера Гитлера помечены чертовой дюжиной. Пробираясь по тесному полузаваленному коридорчику, сдавленному со всех сторон многотонными блоками, я не мог отделаться от ощущения, что иду по воровскому проходу в глубь пирамиды Хеопса. Над головой торчали известковые натеки, сталактитики. Ноги то и дело нащупывали пустоту провалов. Потом мы выбрались в зал, весьма схожий с погребальной камерой фараона. Пробираясь дальше и в самом деле было опасно: над головой на прутьях арматуры висели бетонные глыбы...

Говорят Гитлеру нравились лягушачьи хоры на окрестных болотах. Однако всех донимали комары при чем настолько, что летом приходилось надевать накомарники. На одном из участков «Вольфшанце» шутники повесили щит: «Мюкельхайм» - «Комариная вотчина». Спецкоманда военных химиков быстро извела кровососов. Но вслед за ними исчезли и лягушки. Пришлось завозить специальных жаб и подкармливать их.

Бункер Геринга, расположенный в десятке метров от железной дороги, был поскромнее и имел только один конференц-зал, но деревянная отделка его отличалась особой роскошью, которую только можно было здесь позволить. Тщательность маскировки всех строений доказывает такой факт: можно было проехать по железной дороге рядом с бункером Геринга и не заметить его. С воздуха же вся территория ставки представлялась сплошным лесным ковром. Гитлер, Гиммлер, Геринг, Геббельс - у них не было могил, у них были только эти бетонные мавзолеи, носившие их имена. И оттого казалось, что ты бредешь по дорожкам чудовищного заброшенного некрополя. Это был апофеоз железобетонной фортификации, зацементированный пуп Земли, военно-полевое Сан-Суси, с чьих дворцов соскребли все «архитектурные излишества», превратив их в шедевры романского стиля, по-солдатски грубые и крепкие. Здесь, среди замшелого бетона и ржавых рельсов, среди кубического нагромождения монолитов понимаешь, почему Александр Блок назвал германский гений сумрачным.

Мы бродили по мертвому «волчьему логову», поражаясь массивности стен, перекрытий, брондверей... При свете луны все эти сооружения казались древнеегипетскими постройками. То был окаменевший страх нацистских «фараонов» перед возмездием, которое могло грянуть с неба в виде тяжелых бомбардировщиков. Но место было явно мистическим: за всю войну ни одна из разведок союзных войск так и не обнаружило расположение «вольфшанце». Та, ночная прогулка от бункера к бункеру, осталась в памяти, как одно из незабываемых приключений, выпавших мне по жизни...

РУКОЮ ИСТОРИКА: «Объект Вольфшанце (Волчье Логово) в семи километрах от Растенбурга (ныне польский город Кентшны). Его строили с 1938 по 1944 годы. Это настоящий бетонный город, устроенный на глубине 20 метров под землей. Объект защищала система из

двадцати дотов и сеть минных полей. Это была главная ставка гитлеровского командования. Под землю уходило пятиэтажное убежище. Четырнадцатиметровую толщу бетона, прикрывавшего объект сверху, в то время не могла пробить ни одна авиационная бомба. Та часть сооружения, что поднималась над землей, имела толщину стен от 3 до 5 метров и была без единого окна, только бойницы. Воздух в убежище поступал через специальные противогазовые фильтры, очищавшие его от отравляющих веществ. Вентиляционные трубы внешне напоминали стволы деревьев и были окрашены под цвет сосны. Электростанции Вольфшанце еще лет десять после войны подавали ток на объекты, которые были связаны с подземной крепостью. Существовали потайные ходы, выходящие на поверхность в двадцати и более километрах от Волчьего Логова.

При отступлении фашисты взорвали большую часть сооружений. Но даже мощные взрывы не в силах были полностью разрушить все бункеры. После войны, пытаясь исследовать объект, поляки раскопали всего только один 15-метровый коридор, из которого извлекли около тысячи мин-ловушек. Со временем, подземелье затопила вода. Даже сегодня среди «запретного леса» еще видны старые глыбы железобетона, проржавевшие трубы и «озера» стоячей воды, указывающие входы в давно затопленные шахты.

Известно, что Вольфшанце строили десятки тысяч рабочих. Ходят слухи, что сразу же по окончании работы они были уничтожены. Архитекторов и инженеров объекта отправили на самолете в Берлин. После взлета самолет «удачно» взорвался. Но все это, вероятно, только домыслы и выдумка, всю правду о Волчьем Логове не знает никто. Любопытно отметить, что согласно документам данный объект строился под видом мыловаренной фабрики.

Вольфшанце входил в систему подземных командных пунктов Германии, включающую в себя: бункер Фальзеннест («Гнездо в Скалах»), расположенный на горном правом берегу Рейна; бункер Танненберг («Еловая гора»); в горных лесах Шварцвальда - бункер Рере; туннель в Галиции; бункер Вольфшлюхт («Волчье ущелье») - на бывшей франко-бельгийской границе, под городом Прю-де-Пеш».

Кто же из нас ведал тогда, что в двадцати километрах от Волковыска находится еще более монументальное сооружение – «бункер Горбачева» или подземный командный пункт объединенных вооруженных сил стран Варшавского договора?

Это один из самых загадочных белорусских военных объектов времен холодной войны. О том, что представляет собой этот бункер, ходят легенды. По некоторым из них, он должен был выдержать прямое попадание ядерной боеголовки и уходил в глубину на сотню метров. Между тем еще живы свидетели, видевшие строительство грандиозного сооружения.

В 1984 году в урочище Шадилки Свислочского района началась огромная стройка, на которую непрерывно шли грузовые составы с различными строительными материалами. По окрестным деревням поползли слухи: в Шадилках строится секретный военный объект. Народная молва не ошиблась: огромный металлический ангар размером 160x40 метров и высотой 24 метра скрывал строительство грандиозного подземного сооружения - командного пункта стран-участниц Варшавского договора. В землю уходило два вертикальных ствола диаметром 32 и глубиной 62 метра. Всего было предусмотрено 12 подземных этажей - каждый по 5 метров высотой. Два этажа полуторные - в них планировалось расположить залы оперативного управления войсками. Общая глубина бункера равна высоте 20-этажного жилого дома. Между собой стволы соединяются двумя подземными переходами. Всего же бункер имеет одиннадцать входов-выходов различного назначения - для прохода людей, для забора и отвода воздуха, для топливопроводов и кабельных каналов. Естественно, в случае нападения предусматривалась полная автономия: внутри хотели поставить дизельную электростанцию, а рядом устроить подземное хранилище топлива. Недалеко от бункера выкопали шахту для гигантской выдвижной телескопической антенны.

Отсюда должна была выдвигаться гигантская телескопическая антенна. Уже было завезено секретное оборудование, начиналась его наладка. Даже морг был предусмотрен на случай войны... Но, по счастью, война не состоялась. Бункер не достроили по вполне понятной причине: Советский Союз превратился в союз независимых государств.

Воинская часть, обслуживающая объект, была расформирована, тройное кольцо охраны было снято, и с 1993 года в прошлом секретный ангар стали охранять обычные сотрудники ВОХР. Конечно же, от расхищения такая охрана не спасала: по словам местных жителей, все ценное было украдено в течение первых лет. А с 1 января 2009-го из-за отсутствия средств на содержание охрана бункера была снята вовсе. Местное население с двойным упорством стало отрывать от ангара листы жести и уносить все, что хоть как-то может понадобиться в хозяйстве. Но головной болью для местных властей бункер стал из-за любителей острых ощущений.

Говорят, что в течение только одного года в бункере разбилось несколько человек.

Поэтому местные власти решили закрыть бункер для посторонних. Идей было много, например, полностью залить его бетоном. Но объем бункера - почти 10 тысяч кубометров! Тогда рабочие накрыли стволы бетонными плитами и замуровали все лазы. Ангар, некогда прикрывавший секретную стройку от американских спутников, снесли, а остатки конструкций распилили и вывезли. Сейчас на месте секретной стройки - лишь бетонная площадка.

СОРОК ПЕРВЫЙ. В последние годы я стал наезжать в Слоним чаще обычного. Стал изучать начальный период Великой отечественной войны и понял, что Слоним тогда был городом стратегического значения (во всяком случае – городом оперативно-тактической значимости). Неизвестно, побывал ли в Слониме Гитлер, как побывал он в Бресте. Но в любом случае, он хорошо знал, где находится этот город на карте. А вот его «танковый гений» генерал Гудериан едва не лишился под Слонимом жизни. Здесь на Ружанском шоссе (сейчас это место в черте города) на его спешившийся штаб вылетели из леса три советских танка. Танкисты не знали, что перед ними автомашины Гудериана, открыли по ним огонь и проскочили дальше в сторону Слонима. Гудериан был ранен, некоторые его офицеры убиты. В Слониме его положили в госпиталь, и до конца жизни помнил он название этого небольшого, но столь значимого в истории белорусского городка.

Слоним так просто немцем не дался. Сюда на прикрытие дороги на Барановичи, а значит и на Минск, генерал армии Павлов бросил три стрелковых дивизии, оказавшихся под рукой – 121-ю, 155-ю и 143-ю. Все они входили во фронтовой резерв 4-й армии, и всем им было приказано как можно быстрее прибыть в Слоним, опередив немцев. Первые две отправились в стокилометровый поход, поднимая пыль солдатскими сапогами. А 143-я дивизия, которая к началу войны находилась в Скобелевских лагерях, быстро погрузилась в вагоны на станции Обузь-Лесна (под Барановичами). Ее полки почти две недели находились в учебном центре, и потому захватили с собой в вагоны все учебные пособия, начиная от столов, планшетов, кончая указками, сделанными из тамошнего орехового дерева. А вот боеприпасы загрузить не удалось, командирам сказали - «получите на месте», поэтому ехали с тем, что было в под-сумках. Ехали к месту боя без артиллерии (она находилась на другом полигоне) и без одного полка. Ехали недолго – всего несколько часов, затем быстро выгрузились на станции Слоним, не подозревая, что вот-вот придется вступить в бой с вооруженной до зубов механизированной дивизией вермахта и ореховые указки будут плохим подспорьем.

Конечно, ни битвой, ни сражением бои под Слонимом не назовешь... Были разрозненные стычки – без связи и огневой поддержки, были жертвенные контратаки. Но все же бескровно немцы в Слоним не вошли: их штабисты подсчитали потом: убито и ранено до 650 солдат и офицеров, уничтожено пять орудий, подбито восемь танков, уничтожен броневик и три автомашины.

Но все эти потери, несопоставимые с тем, что потеряли здесь три дивизии РККА, не могли

изменить стратегическую ситуацию: немцы сделали Слоним своим опорным пунктом, своим бастионом на пути 10-й армии из Белостокского выступа. И встали поперек магистрали, сделав ее «дорогой смерти».

И как последний штрих Слонимской трагедии – это бой на речке со смешным названием Кочерыжка. Речушка эта пересекает шоссе Барановичи-Слоним ближе к Барановичам, возле селения Новая Мышь. Перекрыть этот рубеж было совершенно нечем. И тогда сюда бросили батальон, вооруженный лишь учебными винтовками с холостыми патронами. И бойцы встретили немцев дружными ружейными залпами. Озадаченные поначалу такой «плотностью огня», автоматчики ринулись в обход рубежа, дабы зайти с фланга. И зашли. И перестреляли совершенно безоружных красноармейцев, которые отстреливались до последнего холостого патрона. Гильзы их и сегодня можно найти в оплывших окопчиках вдоль русла Кочерыжки. Кто теперь скажет, на сколько часов они задержали захват шоссе Слоним-Барановичи?

Обо всем этом, о судьбе войск Белостокского выступа я рассказал в своем романе «Бог не играет в кости». Эти слонимские места – Озерница, деревня Клепахи, озеро Бездонное – стали полем деятельности моих героев. Я и не подозревал, что Юра Черкашин давно уже их освоил, как «тутэйший», как старожил – с детства. Он же и водил меня по этим холмам, которые не иначе, как сродни были Шведской горе Волковыска... Озерница. Немецкий историк пишет: «Советские части пытались именно здесь пробить брешь и выйти из окружения. Они постоянно скапливались в непролазных лесах и затем при поддержке танков и артиллерии устремлялись на восток, прорывая слабые боевые порядки нашей дивизии. Кавалерийские эскадроны русских неслись юго-западнее деревни Озерница, невзирая на пулеметные очереди мотоциклетного батальона и 5-го пулеметного батальона, под крики «ура» снова и снова собираясь в группы равные по силам батальонам и полкам».

Земля приняла их без гробов и без имен... Без рук, без ног... Без похоронных одеяний. В чем были – в том и приняла – в сапогах, шароварах, гимнастерках – рваных, залитых кровью. Приняла, объяла, растворила в себе плоть, оставив потомкам черепа и ржавое оружие. «А вы, потомки, копайте теперь и ищите черные медальоны с фамилиями и адресами. Найдете, значит, помянут солдата на родине... Честь и хвала вам. Вы свой личный долг перед погибшими исполнили...»

И каждую весну, едва лишь сойдет снег, на места бывших боев под Зельвой, Слонимом, Озерницей, Франково приходят все новые и новые «должники», которые поднимают из земли бойцов тех самых polegших полков и батальонов. Водили меня по тем местам замечательные люди, местные историки – и выдающийся (именно так его и надо назвать) поисковик Александр Дударёнок, и слонимский краевед Станислав Адастик, и волковысский знаток здешних дорог, лесов и перелесков Дмитрий Козлович, и оба моих двоюродных брата Сергей и Юрий...

КОКОШИЦКИЙ ЛЕС. Вот и все – отмаршировали, отстрелялись, где-то отбились, где-то прорвались, где-то попали в плен, где-то безвестно полегли... Давно все это было и изрядно уже подзабыто. Помнят разве что очень въедливые историки да... Впрочем, никаких «да». Ни участников, ни очевидцев в живых уже не осталось. Только историки. Да и то далеко не все, а лишь посвященные в эту скорбную тему... Человек пять-шесть от силы наберется.

Вот он великий скорбный шлях. Дорога жизни между берегов смерти, между откосов, устланых мертвыми телами, вымощенными черепами. И это не метафора. Ее кюветы стали братскими могилами. Откосы – кладбищами техники. А между ними в этой теснине все же пробивался поток жизни – поток людей, спешащих выйти из западни. Шли молча, зло, непреклонно стремясь к спасению, которое притаилось, быть может, за тем вон дальним поворотом, или

за тем взгорьем, а может быть и еще дальше. Но оно непременно их всех поджидает потому, что мудрое начальство давно уже предусмотрело и этот поток, и эти налеты, и этот отход на заранее подготовленные позиции. Их нельзя обвинять в бегстве. Конечно, были и трусы, и паникеры, и дезертиры... Ну, а кто же тогда заставлял немцев устраивать свои кладбища на наших погостах? Кто заставлял их окапываться и откатываться хотя бы от того же Перемышля или той же Ельни

«Дорога смерти» для тех, кому не повезет, и «дорога жизни» для тех, прорвется к своим, прорвется через Слоним...

И я там был... Бродил по лесным и полевым тропам, быть может, наступал, сам того не зная того, на чьи-то скорбные холмики. Валялись на полянках желуди, как стреляные гильзы, а шишки на песке походили на гранаты. Впрочем, и настоящую гильзу найти здесь не трудно. Главное, внимательно вглядываться в землю...

Та автоколонна въехала в этот лес по старой «варшавке», покинув «дорогу смерти» - шоссе Белосток-Волковыск-Слоним. Они искали в этом лесу спасение от немецких самолетов, а нашли в нем свою смерть. Все – и командиры, и солдаты, и семьи офицеров, и гражданские беженцы – все, кто сидел в кузовах и кабинах этих машин. Они и сейчас там лежат – ненайденные, непогребенные, неотпетые, хотя прошло уже более семидесяти лет... Трава и листья, лесной подзол скрывают их останки, их вещи, их оружие, детали грузовиков... А то и не скрывают – вон лежит неразорвавшееся граната, нестреляный патрон, диск от танкового пулемета, заводная ручка «полуторки», защелка дамской сумочки, петлицы с лейтенантскими рубиновыми «кубарями»... У них уже нет ни просьб, ни мольб. У них только один общий завет: не входите в наш лес! Он стал нашим кладбищем. Не ступайте по нашим черепам, не разбирайте на сувениры наши вещи... Мы тоже хотели жить. Но нам выпал смертный жребий. И этот лес – наше последнее пристанище.

Будьте милосердны!

Но мы вошли. Вошли по праву поисковиков.

ВОИСТИНУ ЗЛОВЕЩИЕ МЕСТА,
ТАМ, ГДЕ ЧЕЛОВЕК - ГЛАВНОЕ БОГАТСТВО НЕДР.
ГДЕ ЕЩЕ С ВОЙНЫ БОЙЦЫ
ЛЕЖАТ ПО ТРОЕ НА ОДИН КВАДРАТНЫЙ МЕТР...

В этом лесу так и кажется – шевелится земля, будто тшятся встать из-под нее слегка присыпанные бойцы. Каждый цветок здесь не просто на ветру качается, а машет: «Сюда, ко мне, я здесь...» Рдеют, словно красные флажки над обнаруженными минами. И кроны в этом лесу не просто шелестят, а вышёптывают чьи-то имена...

Право, в этом лесу еще не остыли воинская ярость и боль души, все еще не улеглись вспышки звериной ненависти... Ток высокого напряжения гуляет по этому лесу и сегодня. Ученые называют это «энерго-информационными вибрациями». А поэты взывают; «Пусть ярость благородная вскипает, как волна...» Вот она все еще и кипит...

А можно приложить ухо к стволу дерева, как к телефонной трубке, но услышать этих бойцов, лежащих под толстыми пластами дерна и хвои, можно разве что через наушники металлоискателей, почуввавших металл касок или штыков, пуговиц, ременных пряжек, котелков, лопаток, фляжек... В этих сигналах, если очень вслушаться, услышишь и оборванные смертью слова: «За Ро...», «За Ста...», «Мам...» Металл и только металл откликается их немymi гудками: «Я здесь... Я здесь... Прием!»

Это не сказки Венского леса... Это жестокая быль белорусских лесов. Прошло более полувека

с рокового июня 1941 года, но они до сих пор хранят скорбную память, о тех, кто принял первый удар и безвестно стигнул, пропал без вести - без имен, без наград, без надгробного камня. Бог весть их имена!

Они молчат. И мы молчим... А что тут еще скажешь?!

Разве что бард Игорь Растеряев нашел обжигающие слова:

«ОТКОПАЙ МЕНЯ, БРАТОК!

Я - ВЕРШИНИН САНЯ.

ПЯТЫЙ МИНОМЕТНЫЙ ПОЛК. САМ Я ИЗ РЯЗАНИ...»

«ОТКОПАЙ МЕНЯ СКОРЕЙ, УМОЛЯЮ СНОВА!

Я - МОРШАННИКОВ СЕРГЕЙ,

РОДОМ ИЗ-ПОД ПСКОВА.

АДРЕСОК МОЙ ПЕРЕДАЙ

В РОДНУЮ СТОРОНКУ:

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ КВАДРАТ, ЧЕРНАЯ ВОРОНКА...»

Из дневника руководителя поисковой группы «Батьковщина» Александра Дударёнка:

«Май 2009г.

Вот так у нас сажают лес на старых вырубках по краям Кокошицкого леса... Как можно было воткнуть в землю молодую сосенку и не заметить при этом останков бойца, непонятно...

Май 2010 г. Совместно с военнослужащими 52 оспб в Кокошицком лесу обнаружены незахороненные останки военнослужащего РККА. Удалось установить, что это сержант Луцюк Павел Иванович из 23-го мотострелкового полка войск НКВД». Сотни и сотни имен удалось Дударёнку и его сотоварищам вырвать из тьмы забвения.

Те, кому не выпала эта страшная доля, называли их – «окруженцы». «Окруженцы», значит «пораженцы» - люди с искалеченной психикой, которые утратили веру в командование, и в конечном счете в Победу. Не все, но и таких было немало. Они не готовы были вернуться в тот ад, из которого только что вышли, не готовы были идти в бой, заведом проигрышный. Им нужна была передышка, адаптация. Их называли «сборный сброд», «отработанный человеческий материал»... Но иногда снова бросали в бой за неимением ничего лучшего. И они шли...

Мы перестреляны были под Зельвой...

Так и легли, как нам выпала карта

По-взводно, по-ротно и просто попарно...

Ни воскресенья тебе, ни похмелья -

Крепко хлебнули мы смертного зелья.

Нас хоронили под лемехом плуга,

Где? - не узнает ни мать, ни подруга.

Вечный постой даровала нам Зельва.

Знает лишь аист да ворон печальный

Откуда мы шлем вам

Привет свой прощальный...

Найти бойца, узнать его имя, и даже увидеть его лицо, спустя 70 лет после его безвестной пропажи – разве это не мистика?! Разве это не чудо, когда раскрывается земля, раздвигаются корни и черные пустые незрячие глазницы солдатского черепа снова наполняются солнечным светом. А из черного пенальчика извлекается недоистлевшая бумажная ленточка, а ней

а ней имя солдата и его адрес. А потом приезжают его внуки и правнуки, и привозят фотопортрет пропавшего без вести. И наступает тот день, когда останки бойца переселяются из-под пней и корней в общую усыпальницу под гранитную плиту, а душу его отпевают, как положено, как отпевали и его прадедов-пращуров «Со святыми упокой...»

Почему и сегодня, спустя 75 лет после Победы, и а ш е й Победы, кости тех, кто ее добывал, до сих пор разбросаны по лесам и болотам? Почему ветераны, и прежде всего именно они, однополчане тех без вести пропавших солдат, не били и не бьют во все колокола: найдите, соберите, погребите, упокойте!

Думаю, потому, что никто из них не представлял масштабы этой проблемы: миллионы черепов и прочих костей так и остались лежать по всему огромному фронту – от Баренцева до Черного моря.

Почему кости немецких солдата собраны все, например, в Северной Африке, и упокоены, как положено по правилам общечеловеческой морали? Даже на российской территории, где многие солдаты вермахта, сгинули в одних и тех же болотах с нашими бойцами, даже на чужой для Германии территории, созданы десятки воинских кладбищ. Но наши, на своей родной земле все еще разбросаны, где попало? Они выполнили свой воинский долг. А мы исполнили свой долг перед ними? Разве защитник Родины не имеет право на могилу? Пусть братскую, но со своим личным данным ему родителями именем на плите?

Барабанщик слонимского гарнизонного оркестра старшина Михаил Харченко собрал из латунных гильз крупнокалиберных снарядов нечто вроде колокольного ряда и мастерски играет на своем карильоне различные мелодии. На ступенях полкового храма, перестроенного из бывшего госпитального морга, он сыграл на «колоколах» и марш «Прощание славянки», и погребальный звон на помин всех тех, кто остался в слонимских лесах «пропавшими без вести». Право, это было посильнее любого академического оркестра... Звучала настоящая - воинская - рапсодия. Я слушал ее со слезами на глазах. Я записал ее на видео... А потом мы пошли с ним в бар «Полонез», который размещался в бывшем доме офицеров, и куда мой отец, должно быть, тоже заглядывал во времена своей службы в Слониме. И пили замечательный кофе «Полонез», который приготовила нам жена моего младшего брата Юрия... Тесен мир, тем он и прекрасен.

И снова брожу босиком по холмам Шведской горы, собираю землянику. Аисты кружат, парят, планируют, пикируют... И пусть это не журавли, в которых обращаются души погибших солдат, а аисты, но ведь и они возносят в небо чьи-то души, да еще потом приносят на землю новые жизни... Аист – священная птица мира и счастья.

Теплый дождик прошелестел – короткий и сладкий, как детские слезы. Даже укрываться не стал. Бабушка говорила, что под таким дождиком мальчики быстрее растут. Вот и вырос мальчик из Волковыска. За плечами Ледовитый океан и Атлантика, Северный Полюс и Пуп Земли у входа в пещеру Гроба Господня, Памир и горы Приэльбрусья, многие страны Европы, Азии, Африки, Америки... И еще почти сотня написанных и изданных книг, поставленные пьесы и экранизированные сценарии... Но не хочется еще подводить итоги...

А поздним вечером на город обрушился другой дождь - метеорный, как бесшумный, но роскошный салют...

Оглядываешь с высоты Шведской горы, с высоты прожитых лет свое давнее прошлое: младенчество, отрочество, юность и хочется воскликнуть от всей души: «Спасибо, Беларусь, за наше счастливое детство!»

Волковыск-Слоним-Москва